

ным) правовым доктринам и философско-правовым текстам – их восприятия как универсальных истин или, наоборот, идейно чуждых построений. Скорее, это *prima facie* авторитетные прецеденты, опытные образцы, заслуживающие внимания, но требующие реконтекстуализации – перенесения в иной исторический, социокультурный контекст и сообразной этому оценки своей актуальности и потенциала. У Ю.Е. Пермякова есть описание феномена «провинциального правосознания», носители которого считают, что подлинная жизнь протекает не здесь и не с ними, а где-то «в центре» [20]. Подобное отношение обнаруживается и в отечественном восприятии современной западной мысли. Безусловно, западная юриспруденция (теория и философия права) – лидер по числу фундаментальности правоведческих разработок, продвинутой юридической методологии, юридической идеологии, доктрины, техники.

Исследуемый автором статьи «спор Харта – Дворкина» предлагает альтернативное отечественной теории и методологически более утонченное осмысление широкого круга вопросов, включая проблемы правовой определенности, судейского усмотрения, юридической аргументации, самого надлежащего понимания права и методологии его концептуализации [21]. Однако надо учитывать, что обсуждаемые теории и споры сформировались в рамках иной культурной среды и отвечали на соответствующие ей вызовы. Их освоение отечественной юриспруденцией важно для обогащения собственных концептуальных разработок, расширения общего пространства коммуникации с зарубежным научным сообществом. Но вряд ли верно трактовать западные правовые доктрины как воплощение универсальной интеллектуальной повестки юриспруденции. Как и в отношении проекта универсальной правовой теории, существование такой повестки само по себе составляет проблему (методологическую и политико-идеологическую). Отсюда следует, с одной стороны, проблематизация и переопределение универсальной интеллектуальной повестки юриспруденции, с другой, что особенно важно, фиксация (конструирование) собственной интеллектуальной повестки и подбор сообразного ей, в том числе инокультурного, инструментария.

1. Raz J. *Between Authority and Interpretation*. Oxford, 2009.
2. Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge, MA, 1986.
3. Неклассическая философия права: вопросы и ответы / под ред. А.В. Стовы. Харьков, 2013.
4. Постклассическая онтология права / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
5. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012.
6. Михайлов А.М. Сравнительное правоведение: догма романо-германского права. 2-е изд. М., 2019.
7. Моисеев С.В. Философия права. 2-е изд. Новосибирск, 2004.

8. Касаткин С.Н. Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридикации правовых понятий // Проблема правосубъектности: современные интерпретации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2009. С. 27–33.

9. Павлов В.И. Общность и различие в формировании исследовательских программ антропологии права и юридической герменевтики // Проблемы методологии и философии права : сб. ст. участников III Междунар. круглого стола. Самара, 2016. С. 44–55.

10. Павлов В.И. Проблемы теории государства и права. Минск, 2017.

11. Пермяков Ю.Е. Философские основания юриспруденции. Самара, 2006.

12. Касаткин С.Н. Значимость правовой теории: интегративность, догматика, вызовы контекста // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания : материалы 7-х филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М., 2013. С. 104–108.

13. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М. : СПб., 1998.

14. Синха С.П. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс. М., 1996.

15. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.

16. Derrida J. *Force de loi: le «fondement mystique de l'«autorité»*. Paris, 1994.

17. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. 2nd ed. Oxford, 1994.

18. Касаткин С.Н. Философия права Джозефа Раза: моральная (само)легитимация института права и методологический проект универсальной правовой теории // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009. [редкол.: А.В. Поляков (гл. ред.) и др.]. СПб., 2011. С. 152–157.

19. Лотман Ю.М. Типология культуры. Взаимодействие культур // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 586. Тарту, 1982.

20. Пермяков Ю.Е. Провинциальное правосознание: опыт исторической непричастности (к метафизике «формального равенства» В.С. Нерсесянца) // Стандарты научности и homo iudicis в свете философии права : материалы 5-х и 6-х филос.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. М., 2011. С. 174–178.

21. Касаткин С.Н. Проблема судейского усмотрения в полемике Харта и Дворкина: линии аргументации и методологические истоки спора // Правоведение. 2012. № 3. С. 11–34 ; № 4. С. 10–33.

УДК 340.1

Н.Ф. Ковкель, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права факультета права Белорусского государственного экономического университета

ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДРЕЙФА, ДЕКОНСТРУКТИВНОГО ПЕРЕВОРОТА И МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ФОКУСЕ СЕМИОТИКИ ПРАВА

Аксиологическая проблематика анализировалась семиотиками права уже с момента зарождения данной науки. Так, основоположница пирсеанской школы семиотики права профессор Пенсильванского университета Роберта Кевельзон в двенадцатой главе фундаментально-

го труда «Право как система знаков» (1988) исследует проблемы «отображения в праве этики, морали и ценностей». Отмечая, что традиция объединения этики с правом берет свое начало в истории западной мысли в творчестве Аристотеля, она указывает на сложность обнаружения этических концептов, и прежде всего справедливости, в правовых системах романо-германского и англо-американского общего права, развившихся из римского права. Тем не менее автор приходит к выводу, что «свобода и ответственный выбор являются проявлением унификации этических принципов и экзистенциальных актов» в праве [1, р. 161]. В указанной главе Р. Кевельзон, ссылаясь на семиотическую концепцию и прагматическую философию Ч.С. Пирса, пытается посредством анализа чрезвычайно сложной и постоянно трансформирующейся сети знаков, функционирующих в области права, доказать, что сам выбор способа правового рассуждения является этическим выбором и зависит от ценностных установок [1, р. 157, 162]. Автор демонстрирует, что выбор И. Кантом дедуктивного подхода к концепту обязательства в праве обусловлен вполне определенной ценностной ориентацией и приводит к совершенно иным результатам, нежели сочетание абдуктивных, дедуктивных и индуктивных рассуждений, принятых Ч.С. Пирсом. При этом Р. Кевельзон отмечает, что традиционный для юридического обоснования дедуктивный способ опирается на ценности, которые всегда заметно отличаются от первоначальных целей их использования [1, р. 157]. Однако строгая связь между способом правового рассуждения и той или иной системой ценностных установок Р. Кевельзон, как представляется, так и не была убедительно доказана.

Значительно более плодотворным является анализ аксиологической проблематики, представленный Джеком Балкиным в резонансной статье «Обещание правовой семиотики», опубликованной в «Правовом обозрении Техасского университета» в 1991 г. [2]. Необходимо отметить, что именно под сильным знаком «обещания» Дж. Балкина семиотика права развивалась вплоть до конца первого десятилетия XXI в., о чем свидетельствуют многочисленные ссылки в научной литературе и документы Международного круглого стола по семиотике права, проходившего в 2008 г. в г. Булонь-сюр-Мер (Франция) с этой формулировкой в качестве названия [3]. Именно под лозунгом «обещания» формировалась так называемая новая школа правовой семиотики, призванная «расширить перспективы правовой риторики, охватывая идеи постструктурализма, правового феминизма и постмодернистского мультикультурализма в праве и правовых исследованиях», как отмечают известные в этой области специалисты Анна Вагнер и Ян Брукмен [4, р. V]. В указанной статье Дж. Балкин соглашается с профессо-

ром Джереми Полем в том, что ценность семиотики права состоит в расширении наших знаний о культурном контексте права и в ригористичности используемых ею методов. Однако Дж. Балкин, не оспаривая сравнения нейтральности семиотического метода с деконструкцией, все же отрицает тезис Дж. Пола об отсутствии связи между семиотикой права и прогрессивной политикой [2, р. 1831].

Дж. Балкин прямо задается вопросом о том, должна ли семиотика права быть свободной от ценностей социальной наукой. Он дает отрицательный ответ на данный вопрос и вводит понятия идеологического дрейфа и деконструктивного переворота политических, моральных и правовых идей и ценностей, которые должны находиться в фокусе семиотики права. Под *идеологическим дрейфом* указанных идей и ценностей Дж. Балкин понимает возможность их использования в различных исторических контекстах как прогрессивно, так и консервативно. Идеологический дрейф происходит потому, «что политические, моральные и правовые идеи существуют и могут быть созданы только через публичные знаки, которые должны быть способны к повторению и воспроизводству в разнообразных наборах новых моральных, правовых и политических контекстов» [2, р. 1833]. Феномен идеологического дрейфа предполагает, что правовые, моральные и политические идеи и ценности не являются прогрессивными или консервативными сами по себе, но используются в этом качестве в конкретных исторических контекстах, т. е. могут быть переосмыслены и изменены. Всегда можно представить, «по крайней мере, некоторые из способов, которыми прогрессивная идея может быть обращена к реакционным целям даже в тот самый момент, когда она общепризнанна как глубоко связанная с прогрессивной политикой» [2, р. 1833]. В качестве примера Дж. Балкин приводит постоянное движение от прогрессивного к реакционному (и обратно) в истории американской феминистской мысли между акцентом на сходстве женщин с мужчинами и акцентом на их различии. Дж. Балкин утверждает, что «история деконструируется», потому что именно история обеспечивает те контекстуальные изменения, в которых используются политические, моральные и правовые идеи и ценности. Таким образом, историческая деконструкция и связанный с ней феномен идеологического дрейфа демонстрируют контекстную природу указанных идей и ценностей, обусловленную диахронной функцией знака [2, р. 1834].

Наряду с понятием идеологического дрейфа Дж. Балкин вводит понятие *деконструктивного переворота*, обозначая им возможность использования правовых, моральных и политических идей и ценностей в радикально различных политических целях в один и тот же историче-

ский период. В отличие от идеологического дрейфа, деконструктивный переворот обуславливается синхронной функцией знака [2, р. 1834]. Соглашаясь в целом с предложенными Дж. Балкиным понятиями, синхронным и диахронным анализом правовых знаков в этой связи, необходимо все же предупредить абсолютизацию ценностного релятивизма. Феномены идеологического дрейфа и деконструктивного переворота лишь позволяют нам вскрывать механизмы различного, порой противоположного, использования правовых, моральных и политических идей и ценностей. Следует заметить, что и ряд иных современных методов, используемых в социогуманитарных науках, например критический дискурс-анализ, способствуют такому «разоблачению» [5, с. 123, 127–132; 6, с. 83–84].

Однако научное исследование таких механизмов, анализ знаково-дискурсивных манипуляций не должны нивелировать ценностные установки личности, отдельных социальных групп или общества в целом. В постмодернистском, мультикультурном обществе опасность ценностной дезориентации очень высока, и семиотико-правовые исследования ни в коей мере не должны ее увеличивать. Особую актуальность указанная опасность приобрела в текущем десятилетии, в котором, как отмечают А. Вагнер и Я. Брукмен, право в семиотической перспективе рассматривается под влиянием глобализации и мультикультурализма уже не столько как «удивительно пластичный медиум дискурса о власти», сколько как множественные и чрезвычайно динамичные право-порядки, выраженные во властных дискурсах и их часто непредсказуемых коммуникативных эффектах [4, р. VIII–IX].

«Обещание» семиотики права сменилось новыми перспективами, ставящими под сомнение традиционные определения или краткие описания права как дискурса норм или команд и трактующими его как «всеобъемлющий язык», который конструирует разнообразные социальные институты и практики [4, р. X]. При этом особый акцент в семиотическом подходе к праву делается на метафоре языка и осознании права в качестве мультикультурного феномена, что «требует широкого мышления и решения моральных вопросов как культурных составляющих» права [4, р. X]. Целью любой семиотической деятельности признается интерпретация знаковых систем, создающих смысл в сердце каждого паттерна культуры, а взаимозависимость права и культуры усматривается не только в том, что «право должно иметь моральное значение для культурно неоднородного населения», но и в том, что оно «должно быть в состоянии говорить с теми, чьи претензии оно в настоящее время не признает» [7, р. 517]. В этой связи именно деконструкция признается отнюдь не следствием влияния философии Жака

Деррида или символом постмодернизма, а «существенной частью семиотического подхода к праву» [4, р. XI], позволяющей обнаруживать разнообразные идеалы и ценности, а также цели их использования.

При общем согласии с необходимостью в современной семиотике права анализа аксиологических проблем, в том числе феноменов идеологического дрейфа и деконструктивного переворота, среди исследователей отсутствует единство в выборе моделей такого анализа. Указанное выше исследование синхронной и диахронной функций правовых знаков должно, как представляется, использоваться в более широкой модели интерпретации. Среди современных подходов к анализу процесса интерпретации особый интерес представляет семиотическая стратегия интерпретативного сотрудничества, согласно которой необходимым условием адекватной интерпретации текста является «диалектика прав» текста и интерпретатора. «Права текста» связываются с *интенцией текста* – понятием, введенным в семиотику У. Эко с целью ограничить произвольность интерпретации. У. Эко исходит из того, что поиск интенции реального автора текста не следует признавать целью интерпретации. Вместо реального автора под интенцией текста предполагается «образцовый автор», а точнее – образцовая «текстовая стратегия, определяющая семантические корреляции и требующая, чтобы ей подражали» [8, с. 12]. Обязательным условием извлечения смысла из текста называется выявление его *буквального значения*, и только затем возможна свобода интерпретации. Это предполагает *диалектическое видение текста*, который сочетает в себе заданность и неопределенность. Таким образом, в самом процессе порождения текста предусмотрены способы его интерпретации, а читатель как активное начало – это часть самого процесса порождения текста. У. Эко вводит в теорию семиотики понятие «*модель читателя*» (*М-Читатель*), подразумевая читателя, который сможет интерпретировать выражения текста точно в таком же духе, в котором автор их создавал [8, с. 26]. С целью демонстрации интерпретационного сотрудничества автора и читателя У. Эко формирует модель уровней текста – иерархическую схему операций, осуществляемых при интерпретации текста. Иначе говоря, пытается представить «идеальный текст» как некую систему «узлов» и «сплетений» и установить, в каких из них ожидается и стимулируется сотрудничество-сотворчество М-Читателя. Структурные уровни модели «идеального текста» – это так или иначе идеальные стадии процесса его порождения и (или) интерпретации. За основу У. Эко берет модель Я. Петефи TeSWeST, в которой удачно сочетаются интенциональный и экстенциональный подходы, дополняя ее актантными структурами А. Греймаса и идеями Т.А. ван Дейка. Од-

нако У. Эко намеренно отказывается от жесткой последовательности и иерархии этапов сотворчества М-Читателя. Он подчеркивает, что движение между уровнями возможно в любых направлениях, поэтому именуется уровни «ящичками», чтобы подчеркнуть непредсказуемость и разнонаправленность движения в процессе интерпретации [8, с. 38].

Исходя из модели У. Эко, мы разработали модель уровней операций, осуществляемых при интерпретации различных видов правовых текстов как основных правовых знаков [9]. Представляется, что использование данной модели продуктивно и для выявления аксиологической составляющей правовых текстов. Предложенная нами модель состоит из 11, а не 10, как у У. Эко, уровней интерпретации текстов. К ним относятся: 1) линейная манифестация правового текста, его лексемная поверхность; 2) обстоятельства высказывания и интерпретации; 3) коды и субкоды; 4) интертекстуальные фреймы; 5) структуры дискурса; 6) экстенсионалы, взятые в скобки; 7) повествовательные и побудительные структуры; 8) предвидения и инференциальные прогулки; 9) актантные структуры; 10) элементарные аксиологические структуры; 11) мироструктуры. Аксиологический компонент правовых текстов возможно обнаружить и проанализировать на 3, 10 и 11-м уровнях.

Третий уровень – *коды и субкоды* – является ключевым для всей модели, поскольку именно с системой кодов и субкодов того языка, на котором написан текст, интерпретатор сопоставляет его линейную манифестацию. Сложную систему кодов и субкодов У. Эко именуется *энциклопедической компетенцией* (в его «Теории семиотики» она называется Модель Q – модель семантической памяти). Третий уровень составляют: базовый словарь, правила кореференции, контекстуальные и ситуативные предпочтения, риторическое и стилистическое гиперкодирование, общие фреймы, аксиологическое гиперкодирование.

Особое значение для выявления аксиологического компонента правовых текстов имеет *аксиологическое гиперкодирование*. Интерпретатор всегда воспринимает текст с аксиологической точки зрения, даже если он сам этого не осознает, даже если его аксиологические пристрастия – простейшая система ценностных оппозиций. Он распознает *элементарные аксиологические структуры текста* (уровень 10), и эта операция предопределена его собственными аксиологическими субкодами. Определенная ценностная установка интерпретатора правового текста может привести или к адекватному восприятию, или, наоборот, к полному отрицанию идеологических структур этого текста (может быть как «переключение кода», так и сверхкритичное прочтение правового текста). Ценностное приятие правового текста, напротив, является необходимой предпосылкой признания интерпретатором его эксплицитных или имплицитных нормативных моделей.

На 10-м уровне элементарных аксиологических структур интерпретатор правового текста обнаруживает такие оппозиции, как хорошее – плохое, положительное – отрицательное, истинное – ложное и даже жизнь – смерть, природа – культура. «Не знаю, – замечает У. Эко, – можно ли свести все экстенсиональные структуры мира (мироструктуры) к подобным элементарным оппозициям, но, несомненно, есть тексты, в которых возможные текстовые миры имеют свойства именно такого и только такого рода» [8, с. 74]. Разнообразные нормы, эксплицитно или имплицитно содержащиеся в правовом тексте, также встраиваются интерпретатором в эти простейшие оппозиции.

На последнем уровне *мироструктур* интенциональные и экстенсиональные подходы взаимно перекрываются. Отношения на актантном уровне рассматриваются как истинные или ложные, повествующие или побуждающие. На уровне мироструктур аксиологические и нормативные компоненты правовых текстов окончательно включаются в представления интерпретатора о должном и в дальнейшем влияют на его правовое поведение.

Следует также отметить *мультиmodalный характер выражения ценностей в праве*. Концепция мультиmodalности, являясь относительно новой, активно разрабатывается профессором Лондонского университета Гюнтером Крессом [10, 11]. Концепцию и соответствующий вызов мультиmodalности Г. Кресс обозначает следующим образом: «„Язык“, со всей уверенностью считающийся (на „Западе“) гарантом того, что определено является человеческим, рациональным, необходимым для рефлексии, способным выразить любой аспект человеческого существования, оспаривается в этой занимавшей им до сих пор центральной позиции другими средствами конструирования смыслов, другими средствами формирования идентичности» [12, с. 78]. Мультиmodalность предполагает использование самых разнообразных семиотических средств для выражения смысла – изображений, жестов, звуков и т. д., далеко выходящих за пределы речи и письма и уже ставших реальностью новых коммуникативных практик. «Изменение в среде смысла и коммуникации, – отмечает Г. Кресс, – будет сопровождаться широкой реконфигурацией места, занимаемого „языком“, в социальном/культурном/семиотическом/эпистемологическом мирах: он довольно быстро утратит свое нынешнее центральное место, которое будет замещено другими модусами (modes). Последствия этого для эпистемологии и онтологии в целом, а с ними и для каждого аспекта культуры сейчас не могут быть по-настоящему оценены» [12, с. 78–79]. Концепция мультиmodalности отрицает традиционную для семиотики модель коммуникации, состоящую из отправителя, сообщения и получателя, и признает нерелевантными такие термины, как «ко-

дирование», «декодирование», «общий код». «Модель теперь утверждает, что „коммуникация произошла, когда состоялась *интерпретация*“. При таком подходе „новым социальным порядком“ является тот, где *каждый* „интерпретатор“, находящийся под влиянием (informed by) своих интересов и принципов, перемещается в центр... Это модель, которая не предполагает гомогенности принципов или кодов. Учитывая, что теоретически статусы интерпретатора и изначального производителя сообщения равны, коммуникацию теперь будет правильнее рассматривать как горизонтальное и реципрокное отношение между ними, в котором смысл производится дважды: один раз – производителем сообщения и еще один раз – партнером по диалогу при переработке в трансформирующем взаимодействии (transformative engagement)» [12, с. 95]. Г. Кресс следующим образом выражает озабоченность последствиями мультимодального мира: «Уничтожение ранее относительно стабильных социальных структур, в частности на мезо- и метауровнях „общества“, уже привело на микроуровне социальной жизни к исчезновению как социальных, так и семиотических „конвенций“... Это сделало „индивидов“ изолированными, отягощенными необходимостью как-то себя обеспечивать – как в социальном плане, так и в семиотическом. *Агентивность* (или по крайней мере определенные формы агентивности как требования действовать самостоятельно) и *ответственность* сбрасываются „вниз“ – от социальных институтов к индивидам. Это не сопровождается параллельным распределением власти или других ресурсов. На данном этапе трудно понять, в какой степени это может представлять собой выигрыш в потенциальной агентивности большинства людей на уровне их повседневной жизни. Следует выразить сильные подозрения, что обещания на этот счет являются лишь „идеологическим туманом“ для отвлечения внимания от изменений, наносящих долговременный ущерб многим людям. Никаких ресурсов для построения, обновления, восстановления социальных институтов в доступе нет. А это ведет к дальнейшей фрагментации общества и изоляции отдельных индивидов. В отсутствие работоспособных социальных институтов, а также с уменьшением общей социальной ответственности и лояльности гораздо больше (социальной и *семиотической* работы, чем когда-либо прежде, должно быть осуществлено каждым человеком *индивидуально*. Без общепринятых конвенций, без существовавшей ранее относительной стабильности, без различных видов и разной степени поддержки со стороны институциональной власти „индивиды“ должны действовать и выполнять семиотическую работу от своего собственного имени на основе своих собственных интересов» [12, с. 93–94].

В контексте анализируемого нами вопроса ценностей в праве мультимодальность порождает как минимум две сложные проблемы. Первая заключается в многообразии семиотических средств выражения правовых ценностей и необходимости их точного анализа. Представляется, что она может быть решена посредством адаптации разработанной нами семиотической модели интерпретативного сотрудничества, переориентированной на нетекстовые знаки. В частности, лексемную поверхность правового текста (1-й уровень), коды и субкоды (3-й уровень), а также иные элементы модели следует видоизменить с учетом иных средств семиотического выражения (изображения, жесты, цвет, звук и т. д.). Вторая проблема значительно сложнее, так как состоит в радикальном плюрализме правовых ценностей мультимодального мира, отсутствии их иерархии и согласованности. Такой мир обречен на постоянные аксиологические конфликты, и даже попытки универсализации правовых ценностей на уровне международного права не гарантируют его от неизбежных столкновений.

1. Kevelson R. The Law as a System of Signs. New York ; London, 1988.
2. Balkin J.M. The Promise of Legal Semiotics // Univ. of Texas Law Rev. 1991. Vol. 69. P. 1831–1852.
3. Материалы данного Международного круглого стола по семиотике права опубликованы в специальном выпуске журнала International Journal for the Semiotics of Law. Vol. 22. No. 4. См. их краткий обзор: Cacciaguidi-Fahy S., Mooney A. The Promise of Legal Semiotics // Intern. J. for the Semiotics of Law. 2009. Vol. 22. № 4. P. 381–386.
4. Wagner A., Broekman J.M. Promises and Prospects of Legal Semiotics – An Introduction // Prospects of Legal Semiotics. Springer Netherlands, 2011. P. V–XVII.
5. Ковкель Н.Ф. Критический дискурс-анализ власти и права: основные проблемы применения // Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире : сб. тр. Междунар. науч. конф. (Воронеж, 2–3 июня 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 122–134.
6. Ковкель Н.Ф. Проблемы применения критического дискурс-анализа в конституционно-правовых исследованиях // Вестн. Мар. гос. ун-та. Сер. «Истор. науки. Юрид. науки». 2018. Т. 4. № 4. С. 80–86.
7. Rosen R. Liberal Battle Zones and the Study of Law and the Media // Law and Human Behavior. 1990. № 14. P. 511–521.
8. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С.Д. Себряного. СПб., 2007.
9. Ковкель Н.Ф. Семиотические стратегии, методы и модели правовой интерпретации // Парадигмы юридической герменевтики. СПб., 2017. С. 103–133.
10. Kress G., Leeuwen T. van. Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication. L., 2001.
11. Kress G. Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication. L., 2010.
12. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Полит. наука. 2016. № 3. С. 77–100.